

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДѢЛЪ.

ЗЕМСКІЕ СОБОРЫ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ, В. И. СЕРГѢЕВИЧА.

(Сборникъ Государственныхъ Знаній. Т. II).

Наукѣ не часто приходится праздновать появленіе изслѣдованій, подобныхъ тому, заглавіе котораго выписано нами. И выборъ предмета, и способъ изслѣдованія, и полнота затронутыхъ вопросовъ, и наконецъ важность достигнутыхъ результатовъ, — все одинаково вызываетъ привѣтъ со стороны людей, дорожащихъ успѣхами науки.

Нельзя сказать, чтобы о земскихъ соборахъ было мало писано; всѣмъ извѣстны почтенные труды К. С. Аксакова, П. В. Павлова, А. П. Щанова, И. Д. Бѣляева и Б. Н. Чичерина. Изслѣдованія трехъ первыхъ несутъ одинъ общій характеръ: они представляютъ историческій рассказъ о соборахъ, а не рассматриваютъ ихъ, какъ учрежденіе, съ точки зрѣнія государственнаго права. И. Д. Бѣляевъ и Б. Н. Чичеринъ подходили къ этой точкѣ зрѣнія, но по особымъ причинамъ вдалились въ своихъ выводахъ въ двѣ противоположныя крайности. Самый существенный вопросъ о земскихъ соборахъ, именно вопросъ о значеніи ихъ, оставался не рѣшеннымъ. Земскіе соборы — идеальное учрежденіе, пригодное для всѣхъ временъ, — и земскіе соборы яркое доказательство отсутствія въ русскомъ народѣ (XVI и XVII в.) политическаго такта и смысла, — вотъ двѣ крайности, между которыми произвольно распредѣлялись мнѣнія историковъ и юристовъ объ этомъ учрежденіи.

В. И. Сергѣевичъ чуждъ увлеченія какою-либо крайностію. Онъ, выдѣливъ изъ своей задачи избирательные соборы, объективно сравниваетъ прочіе русскіе земскіе соборы съ представительными

учреждениями Западной Европы той же исторической категоріи,— и сравниваетъ ихъ со всѣхъ сторонъ, указываемыхъ наукою государственнаго права. Именно онъ говоритъ объ условіяхъ возникновенія представительныхъ учреждений ¹⁾, о сословномъ составѣ ихъ, о неопредѣленности сроковъ созыва ихъ, о цѣляхъ созыва, которыя и у насъ и въ Западной Европѣ преимущественно заключались въ рѣшенія вопросовъ о налогахъ, о порядкѣ засѣданій, т. е. о группировкѣ выборныхъ по сословіямъ въ отдѣльныхъ палатахъ, о постановленіи рѣшеній, которыя слагались изъ воли государя и (единогласныхъ у насъ) мѣстныхъ депутатовъ, что, конечно, вело къ немедленному практическому осуществленію (т. е. рѣшеніе приводилось въ исполненіе); далѣе онъ говоритъ о продолжительности засѣданій нашихъ соборовъ и наконецъ о значеніи ихъ сперва съ точки зрѣнія *права*, потомъ съ точки зрѣнія *политики*. Говоря о значеніи соборовъ со стороны права, авторъ замѣчаетъ, что «понятіе совѣщательнаго учрежденія— новое, оно незнакомо не только Московскому государству, но ни одному изъ западныхъ на тойже ступени развитія... Едва ли можно сомнѣваться, продолжаетъ онъ, что значеніе московскихъ соборовъ не исчерпывается понятіемъ совѣщательнаго учрежденія; оно идетъ далѣе, хотя никакой указъ формально и не признавалъ за ними того положенія, которымъ въ дѣйствительности они пользовались». Обращаясь къ оцѣнкѣ дѣятельности соборовъ съ точки зрѣнія политики, авторъ перечисляетъ результаты, достигнутые соборною дѣятельностію, при чемъ съ искусствомъ и правдивостію оцѣниваетъ дѣятельность собора 1648—49 года по отношенію къ выработкѣ Уложенія царя Алексѣя Михайловича, и очень пзвѣстнаго собора 1642 года, дѣянія котораго обыкновенно приводятся въ доказательство ничтожности значенія соборовъ и узкихъ эгоистическихъ стремленій всѣхъ классовъ тогдашняго общества; авторъ основательно доказываетъ, что именно этотъ соборъ даетъ лучшее доказательство того, что выборные люди руководились въ своихъ мѣстныхъ сознаніяхъ ~~нуждъ~~ и пользой государства.

¹⁾ „Вторичной формации“, какъ онъ выражается (т. е. учреждений XIII—XVII в.)

По чему же погибло у насъ это учрежденіе, столь полно и вѣрно удовлетворявшее потребностямъ своего времени? На этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ такъ: государи перестали созывать соборы потому, что они не нравились боярамъ, окольниковымъ, ближнимъ и приказнымъ людямъ и духовнымъ властямъ.

Вотъ масса затрогиваемыхъ вопросовъ и короткій перечень результатовъ изслѣдованія В. И. Сергѣевича. Но сверхъ этого въ началѣ статьи авторъ поднималъ общій вопросъ о значеніи сравнительнаго метода въ изложеніи исторіи.

Мы желаемъ обратить вниманіе читателя сначала на эту основную мысль, а потомъ на нѣкоторые изъ выводовъ изслѣдованія, которые очевидно обусловливаются избраннымъ имъ методомъ.

Важность сравнительнаго метода есть конечно аксіома общепризнанная. Но несомнѣно согласимся въ томъ, къ какой цѣли направляется сравнительное изученіе: къ открытію ли сходствъ въ развитіи права у сравниваемыхъ народовъ, или для опредѣленія ихъ различій. Конечно отъ взглядовъ и направленія мысли того или другаго изслѣдователя зависитъ выборъ той или другой цѣли *преимущественно*; но всякому ясно, что истинное и полное пониманіе науки требуетъ, чтобы были достигнуты обѣ цѣли, равно важныя; обѣ они и могутъ быть достигнуты только посредствомъ сравнительнаго изученія: нельзя пайти сходствъ, безъ уясненія разностей и наоборотъ.

Къ сожалѣнію наука до сихъ поръ примѣняетъ сравнительный методъ односторонне; такъ В. И. Сергѣевичъ утверждаетъ, что этотъ методъ предназначенъ для уясненія сходствъ и говорить, что это методъ новый, противоположный «старому». Но и въ прежнее время и весьма давно примѣнялся сравнительный методъ только опять односторонне; именно цѣлю сличенія было уясненіе различій русскаго права отъ прочихъ. Вспомнимъ почтенные труды И. Д. Иванишева («О платѣ за убійство»), Мацѣвскаго и другихъ. Впрочемъ нельзя сказать, чтобы въ русской наукѣ не существовало примѣровъ (довольно многочисленныхъ) употребленія сравнительнаго метода къ уясненію сходствъ (не въ смыслѣ заимствованія русскими законовъ и учреждений у другихъ народовъ, а именно

для уясненія одинаковыхъ условій и результатовъ жизни разныхъ народовъ). Эту именно цѣль имѣютъ труды Полеваго; тоже главн. обр. преслѣдуетъ и Эверсъ, хотя не чуждъ теоріи заимствованій.

Во всякомъ случаѣ русская наука давно употребляетъ сравнительный методъ изученія, но примѣняетъ его односторонне.

Хотя оба его примѣненія, въ ихъ исключительности, одинаково неудовлетворительны, — во желательно знать, какое изъ нихъ можетъ быть болѣе оправдано при изученіи «національнаго» права?

Очевидно, что приступая къ изученію англійскаго или греческаго права мы прежде всего имѣемъ въ виду изученіе именно англійскаго, именно греческаго права, а не общечеловѣческаго, т. е. насъ интересуютъ въ такомъ случаѣ болѣе особенности національнаго права, чѣмъ тѣ общечеловѣческія черты, въ которыхъ конечно греки сходны съ англичанами, благодаря единству психологическихъ и физиологическихъ законовъ, управляющихъ природою человѣка. Другое дѣло если мы пожелаемъ узнать всемірное развитіе права, если имѣемъ дѣло со всеобщей исторіею какого-либо института; тогда наша мысль направляется на уясненіе сходствъ; иначе мы и не узнаемъ вовсе того, что составляетъ сущность всемірной исторіи, т. е. общихъ законовъ, управляющихъ правомъ всего человѣчества.

Ясно, что хотя цѣль всякой исторіи права ~~состоитъ въ уясненіи~~ какъ сходствъ, такъ и разностей, но въ изученіи національнаго права должна преобладать послѣдняя цѣль, при изученіи же всеобщаго права — первая. Иначе исторія всякаго національнаго права была бы безплоднымъ 101-мъ повтореніемъ одного и того же.

Въ частномъ примѣрѣ, кто пишетъ, какъ Б. Н. Чичеринъ, исторію представительныхъ учрежденій вообще, тотъ преслѣдуетъ цѣль — уяснить одинаковый правомѣрный характеръ представительныхъ учреждений у разныхъ народовъ; спеціальныя различія для него не существенны. Тотъ, кто изслѣдуетъ русскіе земскіе соборы, прежде всего преслѣдуетъ цѣль уяснить значеніе земскихъ соборовъ (а не представительной системы вообще), опредѣлить отлічіе русской представительной системы отъ прочихъ. Только тогда задачи обоихъ изслѣдователей не сольются. Въ данномъ случаѣ цѣли двухъ изслѣдо-

вателей не совпали только потому, что оба писателя выполнили какъ разъ взаимно противоположныя задачи. Б. Н. Чичеринъ старался доказать, что русскіе земскіе соборы не имѣютъ ничего общаго съ западными представительными учрежденіями (и потому трудно понять, зачѣмъ о нихъ зашла рѣчь въ его книгѣ), а В. И. Сергѣевичъ блистательно доказалъ, что земскіе соборы и западно-европейскіе парламенты и штаты суть въ существѣ одно и тоже учрежденіе.

Указаннымъ нами путемъ поступаютъ въ естественныхъ наукахъ, излагая въ общей физиологій и анатоміи животныхъ общія черты, принадлежащія всѣмъ животнымъ, а при изученіи каждаго класса и семейства — спеціальныя. Было бы странно, если бы изслѣдователь посвятившій свою работу классу млекопитающихъ, главною цѣлю ея считалъ доказать, что млекопитающіе имѣютъ сходство съ прочими животными. Читатель потребовалъ бы отъ него, чтобы онъ предпочтительнѣе уяснялъ, чѣмъ взятый классъ отличается отъ прочихъ.

Первый повидимому вовсе ненужный приѣмъ встрѣчается однако въ наукѣ не рѣдко и не безъ основательной причины; это бываеъ тогда, когда еще не рѣшено, къ какому виду или классу отнести избранный предметъ. Въ примѣненіи къ русской исторіи существовало долго именно это сомнѣніе. Включивъ себя съ XVIII в. въ европейскую семью, Русь до сихъ поръ посредствомъ науки стремится доказать, что она достойно стоитъ въ Европѣ, что у ней были такія же учрежденія, какъ и въ Западной Европѣ. Все еще сквозь эти усилія проглядываетъ сомнѣніе и неувѣренность. Тоже произошло и съ исторіею земскихъ зборовъ. Многіе до сихъ поръ добродушно убѣждены, что сравненіе земскихъ соборовъ съ европейскими парламентами только унижаетъ эти послѣдніе. Думаемъ, что только господство такой неувѣренности въ собственномъ человѣческомъ и общеевропейскомъ достоинствѣ побуждаетъ русскихъ историковъ употреблять преимущественныя усилія на указаніе въ національномъ характерѣ и правѣ общечеловѣческихъ чертъ. По крайней мѣрѣ ни англійская, ни нѣмецкая наука никогда не настаивала на этомъ при изученіи своей національности. Нужна нѣкоторая спокойная увѣренность, что мы во первыхъ людѣ,